
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КИТАЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНОСТИ

Е.Б. Баринава

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, 119991

В статье рассматриваются археологические свидетельства того, что в процессе генезиса бронзовой культуры Китая и всей иньской цивилизации наряду с местными неолитическими культурами (яншао и луньшань) существенную роль сыграли культурные контакты и связи с народами Центральной Азии.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, нефрит, иньская традиция, бронзовый век.

Важным материальным доказательством наличия сложившихся культурных контактов народов Восточной и Центральной Азии могут служить находки нефритов в этих регионах. Именно нефрит, поступавший с территории Восточного Туркестана, играл важную роль в культурном развитии Китая (1). По месту добычи его часто называли хотанский или куньлуньский нефрит (на исключительное богатство нефритовых месторождений Восточного Туркестана, расположенных вдоль северного и южного склонов Кунь-Луня, указывал еще А.Е. Ферсман (2)). Э. Шефер полагал, что именно с Хотаном можно соотнести Яшмовую (Нефритовую) гору, расположенную далеко на западе. Он также считал, что именно Хотан, а позднее и Яркенд были источниками всего нефрита, употреблявшегося в Китае, хотя и не исключает полностью возможность использования местных ресурсов (3).

Первые образцы хотанского нефрита появляются в районе Центральной равнины еще в эпоху неолита. Дата наиболее раннего импорта синьцзянского нефрита в район Центральной равнины восходит к 7 тыс. до н.э. и оказывается сравнимой с датировками наиболее ранних нефритовых изделий Китая (4). Их появление на памятниках северо-восточной культуры относится примерно к 8 тыс. до н.э., а широкое распространение, прежде всего в восточных районах, начинается с 7 тыс. до н.э. (5).

Традиция использования привозного хотанского нефрита продолжилась в рамках культуры цицзя (6), и, возможно, именно через посредство этой культуры нефрит из Синьцзяна попадал в пределы государства Шан-Инь. О специальных походах за нефритом и о получении его в качестве приношений упоминается в иньских надписях на гадательных костях.

По мнению специалистов, значительная часть (около 300) предметов из богатейшей нефритовой коллекции, найденной в могиле Фу Хао, изготовлена именно из хотанского нефрита (7).

Начиная с иньского времени синьцзянский нефрит становится основным материалом для производства ритуальной утвари, в первую очередь – для императорского двора. Эта тенденция, с двумя пока не очень понятными временными заминками (период Западного Чжоу и династии Вэй, Цзинь, Наньбэйчао, на памятниках которых синьцзянский нефрит практически не представлен), существует на протяжении тысячелетий вплоть до последней императорской династии Цин включительно.

Хотанский нефрит использовали не только китайские правители, но и многочисленные завоеватели – кидани, чжурчжени и монголы. Поступавший из Восточного Туркестана нефрит не вытеснил полностью местное сырье, из которого продолжали изготавливать украшения для реализации на городских рынках, однако занял главенствующее положение среди императорских украшений.

Для доставки нефрита из Восточного Туркестана необходимо было развитие постоянных торговых связей. Задолго до открытия Шелкового пути существовал Нефритовый путь, проходивший примерно по тем же маршрутам. Впервые идея существования Нефритового пути была высказана после открытия белонепфритовых колец в Прибайкалье (глазковская культура) и на Урале (сейминская общность). В.А. Городцов предположил их происхождение из окрестностей Кашгара как единственного известного в то время источника необходимого сырья.

Однако после открытия прибайкальских месторождений белого нефрита В.А. Городцов пересмотрел прежнюю концепцию и в качестве отправной точки распространения на запад изделий из нефрита назвал именно глазковскую культуру (8). Эта идея получила развитие в работах С.В. Киселева, который полагал, что прибайкальский нефрит мог передаваться не только на запад, но и на юго-восток, в древнейшие центры шан-иньской культуры.

По проторенным путям распространялись и другие культурные достижения, например, сейминско-самусьская бронза (9). Культурные связи между племенами, населявшими в период развитой бронзы Восточный Туркестан и Южную Сибирь, и иньцами прослеживаются на примере распространения бронзовых зеркал, которые в тот период также распространялись с запада на восток (10).

Одним из интереснейших примеров отношений Китая с Центральной Азией стала иньская традиция стилизованных изображений. Наиболее ярко «иньская» традиция проявилась в Аньяне в XIV–XII вв. до н.э. и просуществовала в районах Центрального и Северного Китая до X в. до н.э. Китайские ученые связывают ее появление с предшествующими традициями китайского неолита (11).

Согласно теории Т.Г. Фриша, основой для ее возникновения послужила традиция оформления фигуры животных завитками (вихревой и С-видный орнамент на нефритовых и бронзовых предметах эпохи Шан-Инь). Еще в начале XX в. К. Йеттмар и Х. Хюттель высказали мнение, что образ свернувшегося хищника в скифо-сибирском зверином стиле сформировался на базе китайских «кольцевидных зооморфных композиций». С этим мнением соглашаются и многие современные отечественные и зарубежные исследователи (12). Основным доказательством служат найденные в Китае подвеска из Фэнси (13), украшения из жадеита с изображением «дракона, кусающего себя за хвост» (14). Кроме того, большое количество нефритовых кольцевых зооморфных украшений находятся в частных коллекциях, в музеях Европы и Америки и в основном датируются эпохой Шан-Инь. Большую дискуссию среди ученых вызывает вопрос, – кто же был изображен на этих нефритовых дисках? Например, В.Е. Ларичев считает, что это дракон, «кусающий себя за хвост», и интерпретирует некоторые «сцены» как «изображение события вселенского масштаба... чудовище заглатывает Солнце и захватывает хвостом Луну» (15). С.В. Алкин, изучая нефритовые скульптурные изображения С-видной формы северо-восточного Китая, датируемые эпохой неолита (5–3 тыс. до н.э.), пришел к выводу, что это изображения личинок насекомых, в которых воплощались представления об идее рождения, поскольку в большинстве случаев на нефритовых подвесках существо изображалось часто очень схематично, без лап, с большой головой и невыраженным телом-хвостом (16).

В Китае неолитическая традиция украшения подобными существами различных предметов получила свое продолжение позже не только в камне, но и в металле. В эпоху Шан-Инь они служили элементами декора бронзовых сосудов (17). Анализ данного материала позволяет признать, что мнение о заимствовании сюжета свернувшегося в кольцо животного из древнекитайской изобразительной традиции не лишено оснований. В конце XX в. М.Н. Погребова, Д.С. Раевский (18) и Е.В. Переводчикова (19) возражали против этой гипотезы, ссылаясь на значительные хронологические разрывы в тех случаях, где предполагается прямая преемственность.

Однако в последние годы появились новые материалы, помогающие заполнить имеющиеся лакуны. Так, IX–VIII вв. до н.э. датируется нож с навершием в виде свернувшегося «хищника» из могилы № 101 памятника Наньшаньгэнь, бляшка и бронзовые удила с изображенным на них образом животного из могилы Сяохэйшигоу (20). В очень близкой манере выполнены изображения на оленных камнях из Архангайского и Баянхонгорского аймаков в Монголии, относящиеся к началу 1 тыс. до н.э. (21). Такая же ситуация характерна для большинства изображений на минусинских бляшках, которые датируются в пределах VIII–VI вв. до н.э., практически для всех изображений подобного типа VII в. до н.э. из Лесостепи, Северного Причер-

номорья, Северного Кавказа. Однако, сохраняя позу, свернувшееся животное преобразуется в пантеру.

Этот процесс проходил на раннем этапе возникновения и распространения иконографической схемы. Например, VIII (IX) в. до н.э. датируется курган Аржан, в котором была найдена «аржанская пантера» (22). Идентичная бляха была найдена в Монголии.

Иконографические и хронологические ряды убедительно доказывают, что зарождение и распространение образа свернувшегося животного связано с формированием в Центральной Азии этого сюжета на основе китайских изобразительных традиций. Кочевники творчески переработали не совсем понятное для них свернувшееся животное в «утробной позе» в кошачьего хищника, в соответствии с потребностями украшения предметов и с внутренней семантикой самого образа (23).

Таким образом, этнокультурные отношения народов Центральной Азии и Китая в эпоху до начала активного функционирования Шелкового пути уже четко прослеживаются на материале с памятников этих регионов. Современный уровень археологической изученности территории Центральной Азии позволяет выделить в культурогенезе ранних кочевников этап, характеризующийся комплексом общеисторических и локально-хронологических факторов – рубеж IX и VIII – рубеж VI и V вв. до н.э., когда культурные связи населения Центральной Азии в основном ориентированы на восток – Северный, Северо-Западный Китай и Монголию, и оказывают на развитие этого региона существенное влияние.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Born G.M.* Chinese Jade: An Annotated Bibliography. Chicago: Celadon, 1982; *Childs-Jonson E.* Enduring Art of Jade Age China: Chinese Jades of the Late Neolithic through Han Periods. 2 vols. – N.Y.: Throckmorton Fine Art, 2001–2002.
- (2) *Комиссаров С.А.* Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзяна): их распространение и использование // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып. 2: Горизонты Евразии: Сб. науч. ст. / ред. и сост. О.А. Митько. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. – С. 7.
- (3) *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / пер. с англ. Е.В. Зеймаля и Е.И. Лубо-Лесниченко / Сер. Культура народов Востока. – М.: Наука, 1981. – С. 296, 447.
- (4) *Demattè P.* The Chinese Jade Age: Between Antiquarianism and Archaeology // *Journal of Social Archaeology*. – 2006. – Vol. 6. – № 2. – P. 202–226.
- (5) *Комиссаров С.А.* Древние нефриты Восточного Туркестана ... С. 7.
- (6) Цицзя (2400–1900 до н.э.) – луншаноидная культура на территории современного Китая в верховьях р. Хуанхэ, на западе провинции Ганьсу и востоке провинции Цинхай.
- (7) *Комиссаров С.А.* Древние нефриты Восточного Туркестана ... С. 7–9.
- (8) *Городцов В.А.* К вопросу о киммерийской культуре // *Труды Научно-исследовательского института археологии и искусствоведения*. Т. II. – М., 1928. – С. 46–60.

- (9) Новое в советской археологии: Памяти С.В. Киселева. К 60-летию со дня рождения. – М.: Наука, 1965. – С. 52.
- (10) Варенов А.В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1985. – С. 164–166.
- (11) Ли Яньзавань, Хан Рубин, Бао Веньбо, Чен Тьемей. Исследование остатков бронзового литья из Нюхэлян. – Веньу, 1999. – № 12. – Р. 44–51; Лю Дун цин. Культура Хуншань. Б.г.: Нэй Мэн-гу да-сюэ, 2002.
- (12) Kossak G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil. – München: Skythika, 1987. – S. 29; Курочкин Г.Н. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИИМК. Вып. 207. – 1993. – С. 65; Васильев С.А. К вопросу о происхождении сюжета «хищник, свернувшийся в кольцо» в скифском зверином стиле. Каталог изображений. – СПб.: Гос. Университет, 2000. – С. 18–19; Савинов Д.Г. Ранние кочевники верхнего Енисея. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 67.
- (13) В могиле № 60 памятника Фэнси.
- (14) В могиле Фу-хао (Аньян).
- (15) Ларичев В.Е., Бородовский А.Л. Божество из Карахана (опыт астральной интерпретации каноничного образа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Материалы Годовой сессии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 371–372.
- (16) Алкин С.В. Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // III годовая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. – Новосибирск, 1995. – С. 14; Он же. Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите северо-восточной Азии // Древние культуры северо-восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 135. Рис. 21.
- (17) Чжу Фен Хан Древние китайские изделия из бронзы. – Тяньцзинь, 1995.
- (18) Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток (к истории становления скифской культуры). – М.: Наука, 1992. – С. 121.
- (19) Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 138.
- (20) Для китайской изобразительной традиции характерен поворот головы животного в фас. Лапы животного расположены в той же позиции, что у «скребущих» хищников, а эффект свернутости достигнут благодаря форме хвоста и сгибанию туловища.
- (21) Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – Рис. на с. 127, 157, 192.
- (22) Грязнов М.П., Маннай-оол М.Х. Курган Аржан – могила «царя» раннескифского времени // Ученые записки Тув. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и ист. Вып. XVI. – Кызыл, 1973. – С. 204–205. Рис. 4.
- (23) Лю Ли. Истоки искусства узоров в виде животных на циньских черепичных дисках периода Чжаньго // Сиань. 1983. Вып. 3. – С. 68–73; Минасян Р.С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // АСГЭ. Вып. 30. – 1990. – С. 61–76.

CERTAIN ASPECTS OF SINO-CENTRAL ASIAN RELATIONS IN ANCIENT TIMES

E. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences
Leninskiy Prospekt, 32 A, Moscow, Russia, 119991

The article considers the archaeological evidence that during the genesis of bronze culture of China and the whole yin civilization along with local Neolithic cultures (Jansha and lunshan) played a significant role cultural contacts and relations with the peoples of Central Asia.

Key words: China, Central Asia, jade, Yin tradition, Bronze Age.